

УДК 001.85

В.А. Лапатин

ДВА ПОДХОДА К ФЕНОМЕНУ АБСУРДА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

ЛАПАТИН Вадим Альбертович – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: lapatin.vadim@gmail.com

Статья знакомит читателя с отечественными научными работами, посвященными проблеме абсурда. Автор выделяет два исследовательских подхода к данному феномену, сложившиеся в российском философско-гуманитарном дискурсе. В рамках первого подхода абсурд предстает аномальным и негативным явлением (бессмыслица, хаос, нелепость и т. д.). Второй подход, напротив, предлагает положительную интерпретацию: абсурд актуализует более глубокий уровень смыслового порядка, а его ненормативный характер препятствует формированию одностороннего взгляда на действительность у своего реципиента. Анализируя оба подхода, автор приходит к выводу, что сущностной чертой абсурда является его внеположность антиномиям любого рода (смысл / бессмыслица, рациональное / иррациональное, норма / аномалия и т. д.).

АБСУРД; ИНТЕРПРЕТАЦИЯ; ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ; ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСКУРС; ХАОС; БЕССМЫСЛИЦА; АНТИНОМИЯ.

«Абсурд» – один из центральных концептов современного гуманитарного знания. Его актуальность не вызывает сомнений и, среди прочего, продиктовывается текущим положением дел. На фоне глобализации современных социокультурных процессов пространство повседневности современного человека становится все более фрагментарным и разрозненным и, вследствие этого, связывается с абсурдностью. Таким образом, возникает необходимость более внимательного, комплексного анализа структурных оснований абсурда как феномена. В этом тексте производится обзор актуальных отечественных исследований данного предмета.

Можно выделить две стратегии истолкования абсурда в западном философском дискурсе. Первая из них толкует абсурд в полном соответствии с обыденным словоупотреблением как нелепость, несуразность и бессмыслицу. Тем самым, данный феномен квалифицируется как нежелательный, ложный и подлежащий устранению. Вторая стратегия не характерна для обыденного понимания и находит свое отражение только в философском дискурсе и искусст-

ве. С одной стороны, здесь сохраняется концептуальное наполнение, присущее традиционной стратегии понимания абсурда как феномена алогичного и ненормативного, но с другой – оно существенно переосмысливается и видоизменяется. Исследуемое явление раскрывается уже не как нарушение логики, а как ее расширение, и трактуется не как извращение смысла, а как актуализация более глубокого уровня смыслового порядка. С этой точки зрения, если это и бессмыслица, то особая, «наполненная смыслом» бессмыслица. Актуальные отечественные гуманитарные исследования абсурда также могут быть рассмотрены с точки зрения их принадлежности к одному из двух способов истолкования.

Анализ работ, вышедших в последние годы, позволяет выделить два главных источника, которые служат первоосновой для многих современных исследователей абсурда, а именно: научные труды О.Д. Бурениной и произведения А. Камю.

Под руководством О.Д. Бурениной в 2004 году был опубликован заслуживающий внимания сборник статей «Абсурд и вокруг», в

котором гуманитарные исследователи из разных стран рассматривают различные аспекты вынесенного в заглавие феномена: философские, эстетические, лингвистические, социальные и т. д. Помимо этого, через год вышла монография О.Д. Бурениной «Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века» [1]. Представленная в обеих книгах классификация абсурда как концепта, выступающего, начиная с античности, в тройном (эстетическая категория, логический абсурд, метафизический абсурд [См.: Там же. С. 9]) значении, оказалась для отечественного гуманитарного знания настолько фундаментальной, что некоторые авторы [См., например: 2, с. 70; 3, с. 180] в своих работах дословно воспроизводят ее, не указывая источник.

Значительная часть исследователей, придерживающихся традиционной стратегии, в своем понимании абсурда не продвигаются далее мысли А. Камю семидесятилетней давности, согласно которой «абсурд рождается в... столкновении между призывом человека и неразумным молчанием мира» [4, с. 38]. Иначе говоря, «авторы-традиционалисты» в качестве главного атрибута абсурдности указывают несогласованность между человеком и окружающими его миром. Так, например, Д.Б. Пучков задается вопросом «Является ли абсурд угрозой для человеческого бытия?» [5, с. 155] и дает на него утвердительный ответ, поскольку «именно ощущение бессмысленности во всех случаях является настоящей причиной отчаяния, насилия и морального разложения» [Там же]. Автор в духе традиционного подхода напрямую связывает абсурд с понятием бессмысленности, самим по себе размытым. О том, что сегодня многие представители человечества мучаются отсутствием смысла в жизни, Д.Б. Пучков узнает главным образом из произведений А. Камю и В. Франкла и на их основании указывает два пути, «ведущих человека к абсурду»: «рассудительное подчинение общим правилам» и «умное следование требованиям отдельной ситуации» [Там же. С. 158]. Авторский текст не позволяет ясно понять, чем одно принципиально отличается от другого, но в целом мысль автора заключается в следующем. Человек в своем «индивидуальном бытии» пытается привести свой разум в соответствие с миром, следуя неким (каким — не уточняется) правилам, но с

неизбежностью приходит к абсурду, так как мир не рационален и ему не могут быть предписаны правила. Несмотря на это, полагает Пучков, у человека все же есть рациональный способ преодоления абсурда, который заключается в том, чтобы найти некоторые с достоверностью хорошие правила и следовать им. Успех этого мероприятия, по мнению исследователя, гарантируется тем, что «существует определенная твердость идей» [Там же. С. 161], которую никакой абсурд никоим образом не может поколебать. Нетрудно заметить, что у Д.Б. Пучкова рассмотрение структурных оснований абсурда, в силу наличия нетривиальных языковых оборотов, в какой-то момент само по себе обретает черты абсурдистского текста.

Схожим образом изучает вопрос об угрозе абсурда для общества Е.И. Лобанова. Сохраняя атрибуты традиционной стратегии, она отмечает, что рассматриваемый феномен в социальном срезе представляет собой «разрыв между человеком и его окружением» и может быть описан, прежде всего, как аномалия по отношению к норме [3, с. 181]. Тем не менее, несмотря на свой аномальный и вторичный характер, абсурд по мере социокультурного развития «может заменить собой норму» [Там же] и, тем самым, перемещаться из маргинального поля культуры в его центр. Помимо этого, Е.И. Лобанова указывает, что в качестве социального феномена абсурд проникает во все сферы общественной жизни. Так, в коллективном плане предмет рассмотрения проявляется в виде дезориентирующих идей, лженаук, суеверий и т. п., которые способны «оказывать негативное влияние на общественное здоровье, сеять в обществе панику и создавать психозы» [6, с. 33]. Проблематика абсурда на индивидуальном уровне лучше всего, по мнению автора, разработана в рамках экзистенциализма, причем, как можно догадаться, анализируя авторский текст, за основу берутся философские взгляды А. Камю. Особое внимание Лобанова уделяет опасности распространения «философии абсурда» среди современных молодежных движений, примером которых, по ее мнению, являются литературное направление Великобритании 1950-х годов *Angry Young Men*, так называемый Театр абсурда, движение хиппи и некая «бунтующая молодежь» [См.: 7]. По мнению автора, молодежные объединения подобного рода, используя «абсурд ради аб-

сурда», приводят общественную систему к дестабилизации и разрушению. Хотя полностью искоренить абсурдизм (sic! – В. Л.) в обществе нельзя, ответом на деструктивные тенденции, своеобразными скрепами, которые не позволили бы хрупкому зданию общества и культуры окончательно разрушиться, Е.И. Лобановой видятся образование и воспитание, организованные таким образом, чтобы у их объектов формировалось «антиабсурдное сознание» [6, с. 36]. Одним словом, вновь во имя стабильности в обществе предлагается корректировать абсурдную человеческую свободу надежными средствами социального надзора.

Итак, традиционная стратегия истолкования абсурда базируется на представлении его в виде вторичного, аномального по отношению к норме продукта. При этом в качестве нормы полагаются самые разные вещи: смысл, рациональность, социальные предписания и т. д. В принципе, привлекательность исследовательского подхода, маркирующего абсурдность как аномалию, очевидна. Однако уже на приведенных примерах можно продемонстрировать его главный недостаток, который состоит в том, что данная интерпретационная стратегия не ухватывает сущностного ядра абсурда. Скажем, близкую к высказанной Е.И. Лобановой идею замещения содержания ядра культуры ее периферийными, маргинальными феноменами можно найти у Ю.М. Лотмана, который данный процесс, во-первых, никак не связывает с абсурдом, а во-вторых, рассматривает как неотъемлемую норму социокультурной динамики. Аналогичным образом вызывает вопросы и характерное для традиционной стратегии утверждение, что «всё противоречащее здравому смыслу, логике, не поддающееся пониманию – и объяснению – это абсурд» [2, с. 69]. Отождествление абсурдного и иррационального неправомерно просто в силу того, что модусы иррациональности более многочисленны, чем связываемые с абсурдом феномены. А дальнейший анализ и вовсе показывает, что внеположность абсурда *ratio* не дает никаких оснований полагать его иррациональным и что мыслить его непротиворечиво можно лишь внеположным самой оппозиции «рациональное – иррациональное».

Как уже говорилось, современная стратегия интерпретации абсурда сохраняет представ-

ление о его ненормативном характере, однако, вместе с тем, она на одном этом основании не предполагает отношения к нему как к чему-то целиком отрицательному и подлежащему устранению. Несомненным достоинством исследований, придерживающихся данной стратегии, является то, что они учитывают изменения, произошедшие на рубеже XIX и XX веков как в художественной традиции Запада, так и в западной культуре в целом. Поэтому для современного понимания абсурда характерно то, что зачастую не затрагивается «традиционалистами», а именно полагание абсурда в тесной связи с языковыми структурами, причем, с одной стороны, он выступает как предмет лингвистики, а с другой – как характеристика мышления, конституированного языком.

Так, например, О.Я. Палкевич, используя некоторые положения синергетики, характеризует исследуемый предмет как одну из «проекций самоорганизующейся креативной формы парадоксального (языкового) мышления, порождающейся на стыке бессознательного и сознательного» [8, с. 186], порядка и хаоса и т. д. По мнению автора, абсурд не столько аномален по отношению к той или иной норме, сколько являет собой фактор дополнительной к ней. Сложная самоорганизующаяся система характеризуется более высокой степенью порядка, которая внешнему наблюдателю представляется хаосом. Так и лингвистический абсурд кажется бессмыслицей, хотя на деле является «контрдетерминированным смыслом» [См.: 9] и обладает усложненными параметрами порядка: парадоксальностью, многомерностью, амбивалентностью, кросстемпоральностью и дополнительной [См.: 8, с. 186]. В различных статьях О.Я. Палкевич рассматривает каждый из параметров. Автор приходит к выводу, что свойственная абсурду рассогласованность между субъектом и реальностью (феноменальной, языковой, социальной и т. д.), борьбе с которой уделяется так много внимания в рамках традиционной интерпретационной стратегии, обладает серьезным положительным потенциалом, так как предполагает «слом автоматизма восприятия и конструирование „странного“ взгляда на повседневный мир» [Там же].

Внеожиданном ключе проводит исследование абсурдистского текста Р.Р. Тазетдинова. На основе структуралистской и постструктуралист-

ской методологии она сопоставляет социокультурную реальность и знаковую организацию языка, уделяя особое внимание литературному абсурду: «Обращение к абсурдному в тексте приводит к абсурду на уровне языка. Язык при этом мыслится не как стилевая или текстовая категория, а как язык культуры, растворенный в открытом тексте» [10, с. 344]. Абсурд как категория литературного текста, по мнению Р.Р. Тазетдиновой, в двояком отношении значим для понимания социокультурных процессов. Во-первых, автор выдвигает смелое предположение, согласно которому «язык художественного текста абсурда есть язык культуры» [Там же]. Во-вторых, утверждается, что механизм «перевода» абсурдистского текста, придание последнему характеристик обыденного языка схожи с переводом единиц одного языка культуры на другой. Перевод осуществляется в три этапа: 1) внутритекстовый перевод; 2) интерпретация вербальных знаков одного языка посредством другого; 3) реинтерпретация уже переведенного текста в терминах языка родной культуры.

Уподобление культуры тексту и представление чужой культуры в качестве абсурдистского текста понятны. Но, по нашему мнению, данная концепция в некоторых аспектах не вполне корректна. Прежде всего, автор отталкивается от неочевидной мысли о наличии у абсурдистского текста скрытого смысла. Тем самым, предполагается, что абсурдный язык по своему внутреннему устройству идентичен языку обыденному, но отличается от последнего лишь несоответствием означающего означаемому. Таким образом, предложенные Р.Р. Тазетдиновой процедуры перевода призваны привести в соответствие планы выражения и выражаемого и обнаружить единый и неизменный смысл, одинаковый и для абсурдистского, и для «обычного» текстов. Представляется, однако, что у нас нет оснований для таких выводов. Нельзя сказать, что текст абсурда – чистая бессмыслица, но в такой же степени нельзя предполагать у него и наличие скрытого смысла. Более точным, по нашему мнению, является утверждение, что абсурдистский текст затрагивает более глубокие по сравнению с обыденным пласты языка и имеет более сложную организацию. Дело именно в том и состоит, что понятие смысла актуально только лишь для традиционного способа выражения, поскольку лишь бла-

годаря последнему нам вообще что-то известно о смысле. Отсюда процедуры перевода абсурдистского текста никогда не будут работать, так как приведение его к «общепонятному» виду в действительности будет не переводом, а приписыванием значения. В целом сама интенция рационализировать абсурдный язык всегда несколько снижает впечатление от любой работы, сближая ее с традиционной стратегией истолкования.

Рассмотрение абсурда как категории текста с неизбежностью вызывает к жизни вопрос о лингвистических свойствах предмета исследования. Наиболее убедительно в последние годы эту проблематику разрабатывают В.Ю. Новикова и О.В. Кравченко. Чуть выше мы замечали, что в отношении лингвистического абсурда нельзя говорить как о наличии смысла (поскольку если бы последний там действительно присутствовал, то абсурдные единицы языка были бы неотличны от общеупотребительных), так и об отсутствии смысла (поскольку полная бессмыслица совершенно непредставима). Именно эта проблема занимает О.В. Кравченко. Автор отмечает, что «в проблематике лингвистического абсурда остается большое количество неизученных и нерешенных вопросов», в том числе «вопрос о том, как, благодаря чему возможно появление лингвистического абсурда в семантической ткани текста» [11, с. 59]. Решение О.В. Кравченко видит в разграничении понятий значения и смысла таким образом, чтобы первое представляло собой свойство языка, а второе относилось к сознанию реципиента. Лингвистический абсурд, согласно классификации автора, оказывается явлением, имеющим непосредственное отношение к структурам смысла, будучи лишенным значения. С точки зрения реципиента, исследуемый феномен «возникает там, где имеет место противоречие... между общим содержанием вербализованной части дискурса, выраженного языковыми значениями, и содержанием когнитивно-прагматического фона» [Там же]. Таким образом, абсурд располагается в пространстве смысла, представляя собой своего рода «анти-смысл», смысл особого порядка». В свою очередь, на уровне языка можно отследить, какие именно семантические преобразования являются причиной возникновения лингвистического абсурда. В качестве таковых Кравченко называет элиминацию

смысла, редукцию смысла и переформулирование смысла [11, с. 60], подробно рассматривая каждый из механизмов в своих работах. Стоит также упомянуть, что абсурд, именно благодаря своей аномальности, препятствующей формированию у реципиента одностороннего взгляда на вещи, рассматривается автором в качестве неотъемлемого условия динамики как в пространстве текста, так и в пространстве культуры в целом.

Проблематика исследований О.В. Кравченко перекликается с кругом вопросов, исследуемых в работах В.Ю. Новиковой, которая в 2001 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Языковой абсурд, его семантика и таксономические характеристики», основные результаты которой представлены в монографии «Семантика абсурда», вышедшей четырьмя годами позже. В одной из своих многочисленных статей В.Ю. Новикова сопоставляет наличествующую в языке дихотомию абсурд/смысл с мифологической дихотомией Хаос/Космос. Для данного сопоставления есть все основания в культурно-историческом плане, поскольку, как показала в своем исследовании О.Д. Буренина, уже у ранних греческих философов понятие абсурда было эквивалентно понятию Хаоса мира» [12, с. 8]. В.Ю. Новикова, в свою очередь, указывает, что абсурд представляет собой обратную сторону смысла и в языковом выражении «может быть аналогичен внесению Хаоса в речь» [13, с. 72]. Отсюда в сознании современного человека абсурдность занимает место, аналогичное тому, которое занимал миф о Хаосе в античности. Поскольку неопределенность, бескачественность и непредсказуемость, сопутствующие хаотичным процессам, с древних времен ужасали людей, современный реципиент, согласно В.Ю. Новиковой, прибегает к двум «читательским стратегиям» при встрече с абсурдистским текстом. Первая из них заключается в полном отторжении подобного текста и называется автором «абсурдом разрушающим». Вторая стратегия предполагает претворение Хаоса в Космос путем читательской интерпретации семантически пустых мест в тексте абсурда и именуется «абсурдом созидующим». Нетрудно заметить, что и исследователи абсурда в своих научных трудах в общем и целом следуют теми же путями, что и обычные реципиенты.

Впрочем, если речь идет о языковом абсурде, далеко не всегда можно согласиться, что он является собой хаос и беспорядок. Можно сказать, что абсурд в определенной степени является собой семантический произвол, но, как заключает Е.В. Клюев, нередко «семантический хаос... устраняется детальной простроенностью структуры, подчеркнута грамотной диспозицией материала... Часто эта „литературная грамотность“ настолько демонстративна, что стихийное содержание оказывается целиком вписанным в некоторый – часто общеизвестный, традиционный – канон» [14, с. 137]. Исследуя английскую литературу нонсенса, Е.В. Клюев показывает, насколько стихи и проза Л. Кэрролла, а также лирики Э. Лира, весьма свободные в смысловом отношении, гиперструктурированы по форме: композиционно, ритмически, на уровне рифмы и т. д. Таким образом, связь между абсурдом и хаосом вовсе не столь очевидна.

Подобным же образом нельзя напрямую связать абсурд и гротеск. Под гротеском обычно понимают художественный прием, основанный на преувеличении, сочетании несочетаемого, изображении чего-либо в уродливо-комическом свете. Для абсурдного выражения также характерны и гиперболизация, и сочетание несочетаемых вещей, и комизм. Поэтому важно разобраться, как связаны друг с другом абсурд и гротеск. Данной проблеме посвящена статья Л.М. Геллера «Из древнего в новое и обратно». Автор отмечает, что «абсурд отсылает в первую очередь к „внутреннему“ плану содержания, гротеск – в первую очередь к „внешнему“ плану выражения» [15, с. 93]. Иначе говоря, абсурд – феномен логико-семантический, а гротеск – художественный прием, средство выразительности, как, например, метафора, литота, оксюморон и пр. Понимание того, что абсурд не нечто наподобие тропа, а явление логического плана, очень важно; и важно в первую очередь для художественной литературы. По существу, именно в художественной практике XX века окончательно оформляется представление об абсурде как об альтернативной языковой логике. Поэтому творчество обэриутов, Ф. Кафки, С. Беккета, Э. Ионеско мы можем назвать абсурдистским, а, к примеру, в отношении Ф. Рабле или Н.В. Гоголя можно говорить лишь, что в их произведениях содержатся абсурдистские эле-

менты. Авторы, упомянутые первыми, понимают абсурд как самостоятельное языковое явление, наделенное своей внутренней логикой, другие же пользуются главным образом именно гротескными приемами. Соответственно следует согласиться и с еще одним выводом Л.М. Геллера: «Наблюдение над гротеском в его отношении к абсурду приводит к выводу, что их совместное присутствие внутри одного текста не означает ни их тождественности, ни совпадения функций» [15, с. 101].

Наконец, говоря о современной стратегии истолкования, нельзя не упомянуть опубликованную в 2012 году монографию Ф.И. Гиренка «Абсурд и речь. Антропология воображаемого». Ключевое положение данной работы – «человека сделал абсурд» [16, с. 59]. Для обоснования этого амбициозного тезиса Ф.И. Гиренок прибегает к весьма интересной методологии исследования, а именно к философскому мифотворчеству. Согласно авторской мифологии, человек представляет собой «сошедшую с ума обезьяну. Гиренок пишет, что обезьяна, как и всякое животное, является реалистом, подразумевая под этим, что ее деятельность определяется в основном объективными причинами. Во-первых, животное вовлечено в инстинктивную деятельность, во-вторых, оно целиком закреплено в реальности и вынуждено подстраиваться под ее условия, причем эта реальность вещественна, налична; она предзадана животному в актуальном опыте чувственного восприятия и не является результатом какой-либо символизации. В свою очередь, возникновение человека связано с тем, что некие абсурдные, «ультрапарадоксальные ситуации», при которых на регулярной основе организм на те или иные стимулы отвечает неадекватными реакциями, ломают природный инстинкт обезьяны, в результате чего непосредственная реальность животного вытесняется, а затем и полностью замещается реальностью, «сотворенной» сознанием человека.

Становление человеческого обязано возникновению «уже-сознания», которое Ф.И. Гиренок характеризует как «сознание без Я» [Там же. С. 113], подразумевая, что оно для своего носителя уже предполагает осознание различия между собой и внешним миром, но еще не предполагает самоидентификации. «Уже-сознание» надстраивает над феноменальной реальностью

воображаемую, наделяя продуцируемые им образы большей достоверностью, чем непосредственные чувственные данные. Воображаемое замкнуто на себя. Даже несмотря на то что первоматерией для возникновения образов служат чувства и эмоции, сами образы больше не соотносятся с чувственно-воспринимаемым и симулируют сверхреальное. Примечательно, что в мифологическом построении автора именно воображение, а не язык, полагается первичной собственно человеческой способностью. «Воображение, будучи спонтанным, бессознательным, не может быть функцией языка и речи» [Там же. С. 33] и представляет собой язык без знаков, служащий, однако, основой для возникновения знакового языка.

В воображаемом отчетливо видны фигуры абсурда, так как человек полагает реальность, составленную из образов «уже-сознания», более реальной, чем объективно существующую. Однако доступ к последней полностью закрывается с осознанием человеком себя и появлением знакового языка, который, в отличие от «безмолвного» внутреннего языка образов, напрямую связан с артикуляцией и символизацией. Знаковое устройство языка предполагает наименование реальности. А поскольку в реальности «нет имени», постольку процесс наименования влечет за собой «создание» собственно человеческой реальности, существенными чертами которой являются номинативность, символизация и опосредствованность. Более того, именно символическое теперь определяет существование или несуществование той или иной вещи: «Лишенные слова вещи перестают нами не только узнаваться, они перестают существовать. То есть вещи подвергаются агрессии со стороны слов. Язык ставит вещам условие: или не быть, или быть в форме знака» [Там же. С. 82]. Так, в конечном итоге «жизненным миром» для человека становится «поименованная», организованная языковыми структурами сознания и воображением реальность. Именно вследствие своей отчужденности в порядке воображаемого и символического человек в мифологии Ф.И. Гиренка именуется аутистом. Под аутизмом в данном случае понимается самостоятельность сознания, отсутствие необходимости во внешнем мире для того, чтобы внутренняя деятельность осуществлялась.

Итак, «человека сделал абсурд... речь и сознание — следы, оставленные абсурдом. <...> Первый язык — это внутренний язык. Речь для себя. Второй — внешний язык. Речь для Другого. В первом случае мыслить — значит полагать несуществующее, во втором — мыслить — значит говорить» [16, с. 102]. Все эти положения складываются в привлекательную концепцию. Действительно, отсутствие непосредственного доступа к вещам и отчужденность человека в мир, сконструированный его собственным сознанием, имеют отношение к абсурду, но, как нам представляется, Ф.И. Гиренок упускает кое-что важное в понимании природы абсурда. В этом смысле его труд очень показателен и для рассмотрения современной стратегии истолкования, которая, при всех ее несомненных достоинствах перед традиционной, уязвима в схожих аспектах.

Прежде всего, в исследовании Ф.И. Гиренка, как и в рассмотренных выше работах, принадлежащих современной парадигме, замечается положительный потенциал абсурда, но совершенно не преодолевается двойственность. Так, например, содержание исследуемого вопроса раскрывается через множество бинарных оппозиций: «обезьяна/человек», «реализм/ аутизм», «воображаемое/символическое», «внутренняя речь для себя/внешняя речь для Другого». Подобным же образом действуют «традиционалисты», используя оппозиции «норма/аномалия», «смысл/бессмыслица», «рациональное/иррациональное» и др., с той лишь разницей, что абсурд отождествляется с отрицательным полюсом в оппозиции. Однако вполне очевидно, что отрицательный полюс существует лишь постольку, поскольку существует положительный, и наоборот, а потому, к какой бы антиномии предмет исследования ни относили, природа двойственности остается совершенно неизменной. Взаимозависимый характер антиномий до такой степени нормален, что основывать на нем исследование абсурда, по меньшей мере, нецелесообразно.

Второе наше замечание относится уже не к современной стратегии истолкования абсур-

да в целом, а лишь к труду Ф.И. Гиренка. По нашему мнению, автор в рамках своей терминологии вполне справедливо называет человека аутистом и рассматривает язык в качестве одного из инструментов, благодаря которому обезьяна превратилась в человека, но не вполне справедливо связывает эти процессы с абсурдностью. Действительно, можно утверждать агрессию символического и соглашаться с тем, что языковые фильтры в значительной степени задают способ видения реальности для человека, но следует также задуматься над тем, что это имманентное свойство языка как такового. Ф.И. Гиренок в своей монографии так много говорит о связи языка и абсурда, но практически не уделяет внимания тому факту, что в самой системе языка есть области, где и то, и другое пересекаются. Мы согласны с тем, что язык является символическим фильтром, который преобразует для нас реальность и закрывает доступ к вещам, но абсурдность как таковая, по нашему мнению, с этим никак не связана. Для доказательства данного утверждения следует рассмотреть роль языкового абсурда. Мы уже видели, что авторы, исследовавшие этот вопрос, нередко представляют абсурдистские элементы текста не как бессмыслицу, а как «анти-смысл». Соответственно и абсурдный язык можно представить как «анти-язык», т. е. как нечто такое, что, возникая в языковой ткани, обнаруживает затем деструктивные тенденции. Иначе говоря, в качестве гипотезы можно принять положение, согласно которому связь абсурда и языка состоит не в том, что языковые фильтры помещают человека в символическую реальность, а в том, что лингвистический абсурд «пытается» что-то сделать с этим символическим порядком, имея в качестве своей задачи устранение самих языковых фильтров. Таким образом, роль абсурдистских лингвистических элементов состояла бы в том, чтобы усовершенствовать знаковую систему языка настолько, чтобы она перестала существовать.

Однако проверка этой гипотезы — задача для отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Буренина О.Д.** Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века. СПб.: Алетейя, 2005. 342 с.
2. **Зенина О.Ю.** Ситуации абсурда в социальной действительности // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 108. С. 69–73.
3. **Лобанова Е.И.** Абсурд: к трактовке понятия // Симб. науч. вестн. 2011. № 1 (3). С. 179–182.
4. **Камю А.** Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / пер. с фр. А.М. Руткевич // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 23–100.
5. **Пучков Д.Б.** Идея индивидуального бытия человека и проблема абсурда // Вестн. Лен. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. Философия. 2009. № 3. Т. 1. С. 155–162.
6. **Лобанова Е.И.** Абсурд в духовной сфере жизни общества и способы его преодоления // Пед. образование и наука. 2012. № 12. С. 32–37.
7. **Она же.** Философия абсурда и современная молодежь // Социально-экон. проблемы соврем. об-ва: матер. междунар. науч.-практ. конф. 1–2 июня 2011 г. Пенза; Прага, 2011. С. 26–30.
8. **Палкевич О.Я.** Дополнительность как один из параметров порядка, организующих категорию абсурда // Вестн. Ирк. гос. лингв. ун-та. 2010. № 4. С. 185–190.
9. **Она же.** Мир контрдетерминированного смысла: абсурд // Там же. 2009. № 1. С. 124–128.
10. **Тазетдинова Р.Р.** Опыт философско-культурологического осмысления текста абсурда // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2008. № 4 (63). С. 343–348.
11. **Кравченко О.В.** Лингвистический абсурд: динамика смысла в дискурсе // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. 2008. № 1 (7). С. 58–63.
12. **Буренина О.Д.** Что такое абсурд, или По следам Мартина Эсслина // Абсурд и вокруг: сб. ст. М.: Яз. слав. культуры, 2004. С. 7–72.
13. **Новикова В.Ю.** Хаос / Космос vs. абсурд / смысл // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 1 (44). С. 71–73.
14. **Клюев Е.В.** Теория литературы абсурда. М.: Изд-во УРАО, 2000.
15. **Геллер Л.М.** Из древнего в новое и обратно: о гротеске и кое-что о сэре Джоне Рескине // Абсурд и вокруг: сб. ст. М.: Яз. слав. культуры, 2004. С. 92–131.
16. **Гиренок Ф.И.** Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академ. проект, 2012. 237 с.

V.A. Lapatin

**TWO APPROACHES TO THE ABSURD
IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL-HUMANITARIAN DISCOURSE**

LAPATIN Vadim A. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: lapatin.vadim@gmail.com

The article introduces the Russian scientific studies on the absurd. The author defines two approaches to interpreting this phenomenon in Russian philosophical-humanitarian discourse. The first one presents the absurd as an anomalous and negative phenomenon: nonsense, chaos, awkwardness etc. On the contrary, the second approach gives a positive interpretation of absurdity, which actualizes the deeper level of sense order. The abnormal nature of the absurd prevents its recipient from the formation of one-sided view on the reality. Analyzing both approaches, the author concludes that the substance of the absurd consists in its transcendence to antinomies of any kind (sense / nonsense, rationality / irrationality, norm / abnormality etc.).

ABSURD; INTERPRETATION; HUMANITIES STUDIES; ABSURDISM; CHAOS; GROTESQUE.

REFERENCES

1. Burenina O.D. *Simvolistskiy absurd i yego traditsii v russkoy literature i kul'ture pervoy poloviny XX veka* [Symbolist Absurd and Its Tradition in Russian Literature and Culture in the First Half of 20th Century]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2005. 342 p. (In Russ.)
2. Zenina O.Yu. [Absurdity Situations in Social Reality]. *Bulletin of The Herzen State Pedagogical Univ. of Russia*, 2009, no. 108, pp. 69–73. (In Russ.)
3. Lobanova E.I. Absurd: k traktovke ponyatiya [Absurd: To Definition of the Term]. *Simbirsk Scientific Bulletin*, 2011, no. 1 (3), pp. 179–182. (In Russ.)
4. Camus A. [The Myth of Sisyphus. An Essay on the Absurd]. *The Rebel. Philosophy. Politics. Art*. Moscow, Political Literature Publ., 1990. Pp. 23–100. (In Russ.)
5. Pouchkov D.B. [The Idea of Personal Human Being and the Problem of Absurdity]. *Bulletin of Pushkin Leningrad State Univ. Ser. Philosophy*. 2009, no. 3, vol. 1, pp. 155–162. (In Russ.)
6. Lobanova E.I. [Absurdity in the Spiritual Life of Society and Ways to Overcome It]. *Pedagogical Education and Science*, 2012, no. 12, pp. 32–37. (In Russ.)
7. Lobanova E.I. [The Philosophy of the Absurd and Present-Day Youth]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye problemy sovremennogo obshchestva: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 1–2 iyunya 2011 g.* [Proc. of the Int. Science Practical Conf. "Socio-Economic Problems of Modern Society"]. Penza, Prague, 2011. Pp. 26–30. (In Russ.)
8. Palkevich O.Ya. [Supplementarity as One of the Semantic Markers of Absurdity]. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic Univ.*, 2010, no. 4, pp. 185–190. (In Russ.)
9. Palkevich O.Ya. [The World of Contradetermined Sense: Absurdity]. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic Univ.*, 2009, no. 1, pp. 124–128. (In Russ.)
10. Tazetdinova R.R. [Philosophical-Culturological Experience of the Absurdity Text Comprehension]. *Bulletin of Samara State Univ.*, 2008, no. 4 (63), pp. 343–348. (In Russ.)
11. Kravchenko O.V. [Linguistic Absurdity: Sense Dynamics in Discourse]. *Bulletin of Volgograd State Univ.*, ser. 2, 2008, no. 1 (7), pp. 58–63. (In Russ.)
12. Burenina O.D. [What Is the Absurd, or Following Martin Esslin]. *Absurd i vokrug* [The Absurd and About]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, pp. 7–72. (In Russ.)
13. Novikova V.Yu. [Chaos / Cosmos vs. Absurd / Meaning in Language System]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [The Cultural Life of South Russia], 2012, no. 1 (44), pp. 71–73. (In Russ.)
14. Kluev E.V. Teoriya literaturny absurda [Theory of Literary Nonsense]. Moscow, Univ. of the Russian Academy of Education Publ., 2000. (In Russ.)
15. Geller L.M. [From the Ancient to the New and Back: On Grotesque and Something about Mr. John Ruskin]. *Absurd i vokrug* [The Absurd and About]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, pp. 92–131. (In Russ.)
16. Girenok F.I. *Absurd i rech. Antropologiya vobrazhaemogo* [The Absurd and Speech: Anthropology of the Imaginary]. Moscow, Academic Project Publ., 2012. 237 p. (In Russ.)